

© Алексей Евгеньевич Михайлов,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного и муниципального
управления Владимирского филиала
РАНХиГС, канд. юрид. наук, доцент

Mikhaylov A.,
Assistant Professor of legal support of state
and municipal management Vladimir branch
of RANEPA, candidate of legal Sciences,
associate Professor

© Екатерина Евгеньевна Чередниченко,
доцент кафедры правового обеспечения
государственного и муниципального
управления Владимирского филиала
РАНХиГС, канд. юрид. наук, доцент

Cherednichenko E.,
Assistant Professor of legal support of state
and municipal management Vladimir branch
of RANEPA, candidate of legal Sciences,
associate Professor

КОРРУПЦИЯ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАДИМИРСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС

Corruption through the eyes of students: research results of the Vladimir branch of RANEPA

Аннотация: проблема противодействия коррупции является одной из важнейших проблем при становлении современного демократического государства. При этом коррупция как социально-правовое явление служит инструментом политического давления. В статье авторский коллектив излагает отдельные выводы проведенного исследования относительно особенностей формирования индекса восприятия коррупции у студентов Владимирского филиала РАНХиГС и делает выводы о наличии проблем в верификации и объективности данного индекса.

Abstract: the problem of countering corruption is one of the most important problems in the formation of a modern democratic state. At the same time, corruption, as a social and legal phenomenon, is an instrument of political pressure. In the article, the author's team presents some conclusions of the research on the peculiarities of the formation of the corruption perception index among students of the Vladimir branch of the RANEPA and draws conclusions about the existence of problems in the verification and objectivity of this index.

Ключевые слова: противодействие коррупции, индекс восприятия коррупции, состояние коррупции.

Keywords: anti-corruption, corruption perception index, state of corruption.

Проблематика противодействия коррупции по многом связана с оценкой состояния и тенденций данного негативного социально-правового явления. Чрезмерная драматизация показателей коррупции закономерно вызывает потребность в активизации использования сил и средств, необходимых для противодействия ей, в том числе за рамками разумных потребностей, сопровождающуюся необоснованным использованием сил и средств, бюрократизированием сопутствующих процессов и т.п. С другой стороны, недооценка состояния коррупции способствует снижению интенсивности воздействия на рассматриваемое негативное явление и связанные с ней факторы, что в конечном итоге детерминирует коррупцию.

При этом существующие подходы к оценке состояния коррупции отличаются методически и сталкиваются с целым рядом проблем, начиная от отсутствия легального определения коррупционного правонарушения в законодательстве Российской Федерации и фактическим отсутствием четко понимаемых пределов рассматриваемого

негативного явления и заканчивая ангажированностью отдельных экспертов и манипулированием результатами исследований в угоду политической конъюнктуры.

Так, например, широкую известность в России имеет исследование индекса восприятия коррупции (ИВК), проводимое «Трансперенси интернешнл». Согласно результатам исследования данной организации, в 2019 году Россия заняла в рейтинге ИВК 137-е место (из 180), что на одну позицию выше, чем в 2017 году, однако в рамках пятилетней ретроспективы наблюдается заметная тенденция к ухудшению показателей данного индекса¹. То есть с 2015 года состояние коррупции в России воспринимается все более и более негативным.

При этом со стороны представителей официальной власти Российской Федерации нередко высказывается довольно скептическое отношение к методике и результатам деятельности «Трансперенси интернешнл». Так, например, С. Б. Иванов прямо указал, что результаты оценки ИВК России ангажированы².

На наличие недостатков в методиках, используемых «Трансперенси интернешнл», а также сомнений в достоверности их результатов и возможности их использования для оценки состояния коррупции указывают и исследователи³. Например, В. Н. Руденкин отмечает зависимость результатов исследований ИВК от влияния мировой политической конъюнктуры и указывает на использование ИВК как инструмента глобальной международной конкуренции⁴. Не вдаваясь в оценку подобных суждений, отметим, что в целом они отражают существующую проблематику оценки реального состояния коррупции.

Вместе с тем следует отметить, что, по нашему мнению, процесс подготовки специалистов для государственных и муниципальных органов управления, являющихся фактически проводниками реализации государственной политики по противодействию коррупции в России, требует формирования у обучающихся верного представления о состоянии и тенденциях коррупции в нашей стране. В целях выявления и оценки механизмов, влияющих на восприятие коррупции в России, авторский коллектив в период с января по апрель 2020 года провел опрос среди обучающихся Владимирского филиала РАНХиГС. Всего в опросе участвовали 348 студентов, представляющих все факультеты филиала и все годы обучения. Опрос проводился методом анонимного анкетирования.

В ходе обобщения результатов проведенного анкетирования было выявлено, что 66 % опрошенных полагают, что в России высокий уровень коррупции. При этом 50 % респондентов указывают, что количество коррупционных правонарушений растет, по мнению 39 % опрошенных – находится примерно на одном уровне. В целом эти результаты отчасти отражают объективные данные относительно состояния коррупции. Согласно официальным источникам состояние коррупционных преступлений (единственный вид коррупционных правонарушений, подпадающих под всеобъемлющий статистический учет) действительно обнаруживает тенденцию к незначительному росту, однако в структуре преступности удельный вес коррупционных преступлений в России стабилен и составляет

¹ Россия в Индексе восприятия коррупции-2019: 28 баллов и 137-е место [Электронный ресурс] // Трансперенси интернешнл Россия [Сайт]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html> (дата обращения: 12.09.2020).

² Кремль оспорил выводы Transparency International о коррупции в России [Электронный ресурс] // РБК [Сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2014/5485b73bcb20fc38863240b> (дата обращения: 12.08.2020).

³ Кwon Д. А. Индекс восприятия коррупции: оценка методологии // Власть. – 2015. – № 2 – С. 72-76; Моисеева И. А. Индекс восприятия коррупции как показатель степени коррумпированности в отдельно взятой стране и мире // Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. – № 1. – Т. 12. – С. 89-98.

⁴ Руденкин В. Н. Проблема измерения коррупции: возможны ли объективные международные коррупционные рейтинги? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2017. – № 2. – С. 22-30. С. 27.

всего 1,5 %⁵, что, на наш взгляд, не позволяет говорить о высоком уровне коррупции в нашей стране. При этом мы согласимся, что оценка социальной опасности коррупции имеет дискуссионный характер.

Однако дальнейший комплексный анализ результатов исследования позволил выявить ряд проблемных аспектов. Первый проблемный аспект связан с верифицированием позиции респондентов о характере и сущности коррупции в России.

Так, 83 % обучающихся на вопрос о том, имеют ли они представление о том, что собой представляет коррупция, ответили положительно и еще 16 % опрошенных – условно положительно. То есть общая доля обучающихся, полагающих, что знакомы с сущностью и показателями рассматриваемого негативного социально-правового явления «коррупция», составляет 99 %. При этом обращает на себя внимание, что механизмы формирования представления о коррупции у респондентов достаточно разнообразны.

Только 25 % респондентов вывели свое представление, опираясь на федеральное законодательство. Причем данный показатель диссонирует с результатами обобщения ответов студентов на вопрос относительно их знания положений федерального законодательства о противодействии коррупции. 73 % опрошенных отметили, что знакомы с положениями данного законодательства. При этом сопоставление этих показателей закономерно влечет два вывода: либо обучающиеся по той или иной причине игнорируют положения действующего законодательства при формировании собственного представления о сущности коррупции, либо дают неискренний ответ.

Дальнейшее изучение механизмов формирования представления о сущности и состоянии коррупции в России обнаруживает аналогичные противоречия. Так, 21 % опрошенных отметили, что на их понимание сущности коррупции повлияли научные и учебные источники. Вместе с тем число студентов, отметивших, что их представление о динамике коррупции имеет научный характер, значительно выше. 47 % респондентов указали, что, оценивая состояние коррупции в России, они опираются на изучение официальных данных, и еще 16 % - на результаты социологических исследований. В целом это вполне объективно можно связать с тем, что учебная дисциплина, посвященная изучению государственной политики по противодействию коррупции, предусмотрена практически всеми образовательными программами филиала. При этом остается неясным, почему лишь каждый пятый респондент при формировании представления о коррупции опирается на полученные при обучении знания.

Любопытным в этом контексте является тот факт, что именно у 20 % респондентов за период обучения во Владимирском филиале РАНХиГС представление о состоянии коррупции в России и эффективности применяемых для противодействия коррупции мер изменилось в лучшую сторону. При этом 69 % опрошенных своего мнения по данным вопросам не изменили.

Интересно, что самым распространенным механизмом, формирующим у респондентов представление о сущности коррупции, являются материалы средств массовой информации (на что указали 33 % опрошенных). Однако данный результат также находится в противоречии с ответами на другие вопросы. Например, только 14 % опрошенных указали, что в СМИ освещается полная информация о противодействии коррупции. Еще 36 % опрошенных указали, что информация, которая содержится в СМИ, неполная, а 34 % студентов вообще отметили, что СМИ представляют недостоверную информацию.

⁵ Генеральной прокуратурой Российской Федерации проанализировано состояние коррупционной преступности по итогам 2019 года: обзор [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ [Сайт]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1817130/> (дата обращения: 12.08.2020).

Неожиданно заметное место в системе механизмов формирования представлений о сущности коррупции занял личный опыт респондентов. На него указали 11 % опрошенных. Такое же количество отметило, что личный опыт дал им возможность судить и о динамике коррупции. При этом с проявлениями коррупции лично сталкивались 45 % респондентов, что существенно превышает рассмотренный показатель, но при этом заметно ниже показателя, отражающего представление об уровне коррупции в стране.

Таким образом, критерии оценки обучающимися Владимирского филиала РАНХиГС состояния коррупции в России при наличии негативных оттенков отличаются неоднозначностью и наличием явных противоречий.

Еще один проблемный аспект, выявленный нами в рамках проведенного социологического исследования, связан со степенью коррупциогенной пораженности личности обучающихся.

Так, в рамках анкетирования 86 % опрошенных указали, что коррупция – безусловное зло для общества. При этом 57 % респондентов отметили, что коррупция ущемляет лично их права, свободы и законные интересы. Наличие подобных результатов, казалось бы, должно демонстрировать стойкое неприятие обучающимися любых проявлений коррупции и низкий уровень коррупциогенной пораженности личности.

Однако только 36 % опрошенных высказали уверенность, что ни при каких обстоятельствах не будут вступать в коррупционные отношения, в том числе и для разрешения трудной жизненной ситуации. Причем в последующем перед респондентами был поставлен вопрос «За предоставление каких услуг возможно "приплатить" в обход закона». И только 26 % обучающихся выбрали ответ «ни за какие».

В целом же 57 % опрошенных допускают возможность использовать коррупционные отношения как последнее средство разрешения трудной жизненной ситуации и еще 7 % рассматривают такую возможность как нормальную. При этом если ранжировать сферы, в рамках которых обучающиеся готовы вступить в коррупционные отношения, то наиболее допускаемой является сфера предоставления медицинской помощи (29 % респондентов), затем следуют сфера бизнеса (18 %), сфера правосудия (10,5 %), сфера трудовых и служебных отношений (10,5 %) и на последнем месте – сфера образования (6 %).

В данном случае, полагаем, что на общем уровне среди обучающихся наблюдается явное противоборство желания видеть (показать) себя противником коррупции при наличии тех личностных качеств, которые способствуют вступлению в коррупционные отношения, и в целом демонстрируется фактическое безразличие к коррупции. На последнее указывают результаты ответа обучающихся на вопрос «Изменится ли у Вас отношение к человеку, с которым Вы лично общаетесь, если узнаете, что он берет взятки?». 26 % опрошенных ответили, что отношение к этому человеку у них никак не изменится, а 54 % хотя и изменят в худшую сторону, но общение с ним не прекратят.

Наконец, последний проблемный аспект, выявленный нами в результате оценки результатов проведенного анкетирования, связан с противоречиями в сопоставлении детерминант коррупции и мер противодействия ей.

В частности, опрос показал, что у респондентов отсутствует единство представлений о причинах коррупции. Самой распространенной точкой зрения (ее поддержало 22 % опрошенных) стала позиция, что самыми существенными детерминантами коррупции в России являются экономические. Затем довольно неожиданно следуют политические (недоверие к власти, нежелание власти осуществлять бескомпромиссное противодействие коррупции) детерминанты – 17 % опрошенных; организационно-управленческие – 16 %; социальные – 15 %; культурно-нравственные (терпимость к коррупции и «длительные

коррупционные традиции») – 12 %; правовые – 10 % и психологические (неуверенность в завтрашнем дне, неспособность отстаивать свои права) – 8 % опрошенных.

При этом 48 % опрошенных указали, что применяемые в России меры по противодействию коррупции недостаточны. Еще столько же отметили, что эти меры хотя и достаточны, но реализуются неэффективно.

Однако, отвечая на вопрос о том, какие меры противодействия коррупции могли бы быть наиболее действенными, респонденты в большинстве своем не учитывали ранее обозначенную позицию о причинах коррупции. Так, самой распространенной точкой зрения стало ужесточение наказания (26 % опрошенных), что вкупе с совершенствованием законодательства (на которое указали 16 % респондентов) сформировали один из наиболее масштабных блоков представлений о превалировании правовых методов воздействия на коррупцию. Причем данный блок по большей части является откликом к правовым детерминантам. Еще один масштабный блок относится к организационно-управленческим методам (реформирование системы управления – 14 %; более жесткий кадровый отбор – 18 %; повышение уровня стимулирования служащих – 11 %). 10 % опрошенных в качестве меры повышения эффективности противодействия коррупции видят смену руководства страны.

Интересно, что только 9 % опрошенных верят, что коррупцию в России можно искоренить. 85 % полагают, что можно только уменьшить ее размеры и 6 % респондентов считают, что коррупция в России неискоренима.

Таким образом, оценив результаты проведенного нами исследования, мы пришли к следующим выводам:

1) на общем уровне обучающиеся Владимирского филиала РАНХиГС полагают, что в России высокий уровень коррупции, который повышается. Позиция обучающихся о сущности и состоянии коррупции в России формируется в рамках разных механизмов, среди которых ведущую роль играют средства массовой информации. На федеральное законодательство, научные и учебные источники опирается при этом лишь часть обучающихся. Формирующийся индекс восприятия коррупции в России у обучающихся имеет негативный характер и при этом слабо верифицируем;

2) среди обучающихся распространен ситуативный тип коррупциогенной пораженности личности. Лишь четверть из опрошенных не допускает возможности вовлечения в коррупционные правоотношения ни при каких обстоятельствах. При этом большинство респондентов понимают общественную опасность коррупции и стремятся позиционировать себя как противников коррупции;

3) у обучающихся не сформировалось единство представлений о причинном комплексе коррупции в России и методах противодействия ей. Большинство опрошенных полагает, что искоренить коррупцию в России нельзя, при этом 85 % респондентов допускают возможность снижения ее уровня;

4) одним из эффективных способов формирования у обучающихся объективного представления о сущности и состоянии коррупции в России является более активное вовлечение их в научно-исследовательскую деятельность по вопросам противодействия коррупции, в том числе с применением криминологических методик выявления латентности преступности, в рамках учебных занятий и научно-представительских мероприятий.

Список литературы

1. Россия в Индексе восприятия коррупции-2019: 28 баллов и 137-е место [Электронный ресурс] // Трансперенси интернейшнл Россия [Сайт]. URL:

- <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsii-2019-28-balloov-i-137-mesto.html> (дата обращения: 12.09.2020).
2. Кремль оспорил выводы Transparency International о коррупции в России [Электронный ресурс] // РБК [Сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/12/2014/5485b73bcbb20fc38863240b> (дата обращения: 12.08.2020).
 3. Квон Д. А. Индекс восприятия коррупции: оценка методологии // Власть. – 2015. – № 2 – С. 72-76.
 4. Моисеева И. А. Индекс восприятия коррупции как показатель степени коррумпированности в отдельно взятой стране и мире // Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. - № 1. – Т. 12 - С. 89-98.
 5. Руденкин В. Н. Проблема измерения коррупции: возможны ли объективные международные коррупционные рейтинги? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2017. – № 2. - С. 22-30.
 6. Генеральной прокуратурой Российской Федерации проанализировано состояние коррупционной преступности по итогам 2019 года: обзор [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ [Сайт]. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1817130/> (дата обращения: 12.08.2020).